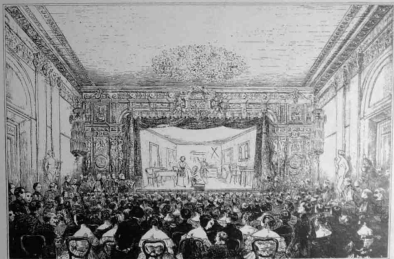


СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 35.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

1 ИЮНЯ 1915 года.
ПЕТРОГРАДЪ.



БАЛЬ У ГР. И. И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА.

Воскресняемая нами со страниц старой «иллюстрации» первого русского иллюстрированного журнала, издававшегося И. П. Кукольниковым, гравюра на дереве, представляющая верное по времени изображение бала у графа Воронцова-Дашкова. Принадлежит современное описание этого бала.

...Между почти ежедневными у нас въ столицѣ увеселениями — такъ громко звали репортеры 40-хъ годовъ XIX вѣка — данное 12 сего февраля мѣста въ домѣ действительнаго тайнаго совѣтника графа Ивана Ивановича Воронцова — Дашкова, было особенно блестящее во всѣхъ отношеніяхъ. Далеко слышеть повсюду это увеселеніе. Оказывается, что «приглашенія были утреннія и вечернія... Съѣздъ начался въ первомъ часу дня, а разбѣлъ кончился въ четвертомъ часу ночи»...

Количество гостей было громадное, собрался действительно весь Петербургъ.

Въ запискѣ читаемъ: «Великолепный праздникъ сей участію былъ присутствіемъ Императорской Фамиліи. Приглашенныхъ особъ было 750». — Замѣтельной особенностью этого праздника было слѣдующее: «въ теченіе сего дня посѣтители были угощаемы завтракомъ, обѣданнымъ столомъ и ужиномъ, и все было великолепно, роскошно и весело». Конечно, праздникъ не обходился безъ балованія, которая въ то время была еще обыкновенною принадлежностью всякихъ торжествъ, хотя начинала называться «пережиткомъ старины». И въ данномъ случаѣ — передъ домомъ Его Силѣства на Невѣ былъ построенъ красивый пѣть, который горѣлъ во все продолженіе вечерняго бала»...

СТОЛЬНОЕ.

(Черниговской губернии, Сосницкаго уезда).
Имяне графини Люб. Алекс. Мусуиной-Пушкиной, рожденной Кушелевой-Безбородко.



Въ ряду прекрасныхъ классическихъ усадебъ конца XVIII и начала XIX вѣка Екатерининско-Александровской Россіи, наравнѣ съ такими уже описанными помѣстями, какъ „Ляличи“ Завадовскаго, „Очкнино“ Судженко, „Сокаренцы“ Галагановъ и еще не описанными, но великолѣпными малороссійскими усадьбами, какъ „Качановка“ бывш. Гарновскихъ, „Диканька“ кн. Кочубея, „Михайловка“ гр. Капнистовъ, „Должикъ“ кн. Голицыныхъ¹⁾—должно быть поставлено и „Стольное“, имяне бывшее свѣта. кн. Безбородко, потомъ гр. Кушелевыхъ-Безбородко и вѣнѣ гр. Мусуиныхъ-Пушкиныхъ²⁾.

Въ нынѣшнѣ вѣнокъ изъ италианизированныхъ „палладіанскихъ“ сооружений, подобныхъ вилламъ въ окрестностяхъ Виченцы—кстати очень мало имѣющихъ общаго съ тѣмъ, что у насъ принято называть ампиринымъ стилемъ,—сооруженій, авторство которыхъ приписывается Джакомо Гваренги—нельзя не внести еще одного прекраснаго творенія этого же (?) мастера—„Стольного“.

Мызаемъ дворца Гваренги, подлинныя: „Ляличи“ Суражскаго уѣзда, „Хотинъ“ Сумскаго уѣзда, предположительныя—„Пануровку“ Стародубскаго уѣзда, „Диканьку“ Миргородскаго. Именно такіе дома, какъ въ „Александрѣ“, подъ Харьковомъ, какъ въ „Бездричѣ“, подъ Сумами, гораздо болѣе нежели чисто-ампириные дворцы (какъ въ „Графскомъ“ или какъ въ „Сокренцахъ“—съ типичными ампириными орнаментальными фризами) могутъ быть отнесены къ школѣ Гварентіевскихъ построекъ, т. е. вполнѣ италианизированныхъ.

Совершенно гладкія стѣны, простой, строгій карнизъ, тосканскія или дорическія капители правильныхъ колоннъ, безъ особаго „ампирианаго“ утолщенія кинзу (вспомини, напр., домъ въ усадьбѣ Найденова подъ Москвою и вообще чисто ампириныя постройки Джигарди и его учениковъ въѣхъ тамъ почти до курьезности колонны упираются въ нижнюю трети)...

здесь Гваренги—нельзя. Всѣмъ памятно еще то заблужденіе, въ которое были введены изслѣдователи, полагавшіе, что Батуринскій дворецъ (а онъ отъ Стольнаго всего верстахъ въ 50) тоже созданіе Гваренги!.. Однако оказалось, что планы дворца, подписанные Ч. Камерономъ указали именно на этого мастера, какъ на строителя дворца. Строилъ въ Черниговской губерніи и Ринальди, строилъ и Де-ла-Моттъ (Почепъ); точныхъ документовъ объ авторѣ „Стольнаго“ не сохранилось, и хотя преданіе говоритъ, что строилъ Гваренги, мы, однако можемъ сказать лишь, что дѣйствительно нѣкоторые признаки творчества этого



Стольное. Вѣзъ въ усадьбу.

мастера въ Столинскомъ домѣ есть, но и много чуждаго Гваренги также замѣтно.

Вспомнимъ, какъ было создано „Стольное“, что былъ его первый владѣтель и къ кому послѣдовательно переходила эта усадьба.

Господскій домъ въ селѣ Стольномъ построенъ свѣта. княземъ Александромъ Андреевичемъ Безбородко (1747—1799) для своей матери Евдокіи Яковлевны, рожденной Забѣло (1716—1803), но она не рѣшилась въ него переехать, боясь повѣры, что при переездѣ въ новый домъ старики умираютъ.

¹⁾ Въ „Ст. и Ул.“ будетъ помѣщено описаніе и этикъ усадьбы.
²⁾ Свѣдѣнія при составленіи настоящаго очерка заимствованы изъ слѣд. источниковъ: Григорьевъ „Исторія князя Безбородко“, Лазаревскій „Очеркъ Малороссіи“, Филлипъ „Русскій Архивъ“ 1873, кн. III; Очеркъ изъ быта Малороссіи XVIII в., „Русскій Архивъ“ 1873, кн. III, 1865, 1884, 1876; „Русскій биографическій словарь“ и друг. словари.

СТОЛЬНОЕ.



Фасадъ со стороны подъѣзда; пушки на лестницѣ времени свѣтл. князя А. А. Безбородко (п. с. вторая XVIII ст.).



Столовая. Зал с фамильными портретами.

Собств. фотогр. „Ст. и Уст.“

Ея муж Андрей Яковлевич Безбородко (1711—1780) служил в Генеральной Канцелярии—генеральным писарем. Благодаря всегдашним лестным отзывам о его служебном усердии и приверженности, ему пожаловано было село Стольное (27 ноября 1736), где он и поселился, выйдя в отставку (в 1762) со званием генерального судьи. Тут он жил до глубокой старости, занимаясь хозяйством; тут же осталась жить его жена, пережившая его на 23 года, тут же оба и похоронены, в мистической Андреевской церкви.

Стольное досталось второму сыну графа Ильи Андреевича (1756—1805), женатому на Анне Андреевне, рожд. Ширяевой (1765—1824).

Сын графа Илья Андреевич умер в молодых годах и огромная имения Без-



бородки перешли к его дочерям: гр. Кушелевой и кн. Лобановой-Ростовской.

Стольное перешло к старшей дочери гр. Любови Ильиничне, которая была замужем за адмиралом графом Григ. Григ. Кушелевым, президентом адмиралтейств-коллегии; а после ее смерти к старшему их сыну, гр. Ал. Григ. Кушелеву, получившему в 1816 году дозволение присоединить к своей фамилии, фамилию дяди своего по матери, Безбородко.

Граф Алдр. Григ. Кушелев-Безбородко (1800—1855) государственный контролер, был женат на княжне Ал. Ник. Репниной, дочери Малор. Военного Губернатора и правнучки последнего Малороссийского Гетмана гр. Кир. Григ. Разумовского. У них было четверо детей: 2 сына, 2 до-

Стольное. Портрет княгини Александры Андреевны Безбородко.

инов. Портрет графини Любови
Александровны Мусин-Пушкиной
(теперь графиня 82 года).



Собств. фотогр. „Ст. и Ус.“.

чери — гр. Варв. Алдр. Кочубей
и гр. Люб. Алдр. Мусина-Пуш-
кина, къ которой послѣ смерти
старшаго брата и прекраснѣй-
шаго рода графовъ Кушелевыхъ-
Безбородко перешло по на-
слѣдству имѣніе въ Столь-
ное; графинѣ принадлежатъ
Стольное и помѣстье.

Графинѣ теперь 82 года,
владѣетъ усадьбой церемоній-
мейстеръ, членъ Госуд. Совѣта,
Сосинскій уѣздный предводитель
дворянства гр. В. А. Му-
синъ-Пушкинъ.

Стольное находится вер-
стахъ въ 25 отъ ст. Мѣна Ли-
баво-Роменской ж. д., въ 30 вер.
отъ берега рѣки Десны, т. е.
приблизительно въ такомъ же
разстояніи отъ нея, какъ и Ба-
турино, но по другую сторону
Десны.

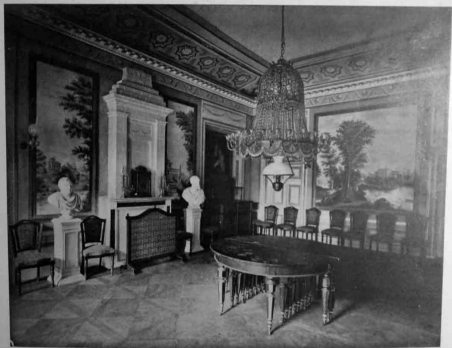
Стольное сохранилось пре-
красно, почти безъ всякихъ

измѣненій со времени по-
стройки.

Передъ нами старинная кар-
тинка, написанная владѣте-
лемъ (?) усадьбы и изображаю-
щая домъ въ Стольномъ.

„Потѣхъ“ экипажей. Впе-
реди карета, запряженная ше-
стеркой, цугомъ, передъ нею
несется всадникъ, указывающій
дорогу. За первой каретой —
вторая, запряженная четвер-
кою, и далѣе еще шестерка, —
но это уже не карета, а по-
добіе тарантаса, покрытаго
верхомъ и фартукомъ. Весь
потѣхъ экипажей сопровож-
даютъ всадники, гарцующіе
по бокамъ экипажей. Помпез-
ный въѣздъ!.. На лѣстницу
дома вышли хозяева-мужчины
и приветствуютъ гостей уже
издали низкими поклонами. У
флигеля собралась толпа че-
люди и смотрятъ на рѣдкое
зрѣлище. Бѣгутъ двѣи, ко-

Стольное. Столовая; видно — видъ Гатчины.



надо всё принять всех этих гостей, накор-
ных и лошадей; работы всё будет вдоволь,
прислуги должно быть пришло человек 20:
в то время задан со своими лакеями, горнич-
ными, и конечно весь этот потёх из своих ло-
шадей, прибыть издалека. Может быть это приехали
из далекой Киевской усадьбы родственники Репнины,
а может быть из Москвы или Петербурга — Разу-
мовские?..

Рисунок сдѣланъ, какъ видно по костюмамъ и
экипажамъ, въ 30—40 годахъ.

И на немъ изображенъ домъ, имѣющій совер-
шенно такой же видъ теперь.



Стоянов. Старинная картина (копия) изъ собр. княз. М. А. Меншикова.

Передъ домомъ обширный круглый дворъ.

По срединѣ его круглая клумба, усаженная цвѣ-
тами. Половину этого круга охватываетъ фасадъ
дома. Средину его часть изъ четырехъ-колоннаго пор-
тика украшена фронтономъ. Капители тосканскія,
простыя. Никакихъ украшеній — ни въ тимпанѣ, ни
надъ окнами, ни въ боковыхъ частяхъ дома, лишь
по пяти оконъ хорошихъ пропорцій прорѣзываютъ
глазъ стѣны.

На уровнѣ второго этажа между капителями пор-
тика поставлена балюстрада балкона, отъ главнаго
корпуса отходитъ двѣ боковыя части, полукруглая въ
планѣ, соединяющая домъ съ флигелями. Въ соедини-

тельныхъ частяхъ этихъ айлс („крыльцо“, какъ ихъ
часто называютъ) окна полукруглые; совершенно та-
кая же балюстрада, какъ между колоннами, укра-
шается въ видѣ аттика, эти одноэтажныя соедини-
тельные пристройки.

Флигеля со службами; окна здѣсь разныя, по
краямъ наверху даже круглые! По срединѣ—огром-
ныя; сверху надъ ними—полукруглая.

Словомъ, вся прелесть фасада со стороны двора
въ соотношеніи массъ стѣнъ съ пропорциональными
отверстіями оконъ, и, главное, въ самой линіи фасада,
очень типичной по плану. Колонны портика живо-
писно увиты плющомъ.

Сохранились даже старинные фонари на тумбахъ

у подъезда. Ступени его, по традиціи, изъ досокъ—
и это много притѣхъ, нежели чугунныя плиты вре-
мень Николая Павловича или современныя, столь
непрактичныя, не художественныя и чрезвычайно не-
пріятныя для ходьбы по нимъ, бетонныя плиты¹⁾.

На площадкѣ стѣнныя стоятъ традиціонныя мѣд-
ныя пушки, кажущіяся нынѣ потѣшными. Однако,

¹⁾ Еще хуже изъ металлахъ плиты, называемыя разныя для
коридоровъ и уборныхъ, но не для ступеней парадныхъ лестницъ;
приходится однако, къ сожалѣнію, часто видѣть такія парадныя
лестницы даже въ самыхъ лучшихъ особнякахъ „Empire“; ступени не-
приты и не жестки, однако жъ выкопанные изъ кирпича
на ребро или изъ этихъ плитокъ.



Стольное. Оранжерея.

Соб. фот. «Ск. и Ус».

Сокирецы. Одна из башен у главных ворот усадьбы (см. текст на этой страничке).



эти 4 пушки придают дому некоторую важность и строгость...

Портик дома сильно выступает вперед. Когда яркое южное солнце осияет его колоннаду (что, к сожалению, не удалось зафиксировать на снимке фотографу)—четко выделяются светлыми стройными линиями колонны на фоне темной тьмы; «заиграет» балюстрада, завитки станут «консоли» под карнизом—единственные украшения гордых, строгих масс дома. За балюстрадой-аттиком обоеих полу-кружий высоко поднимаются деревья: раскинулись пышно их ветви. На фоне зелени еще лучше вы-глядят башня, четкие массы здания.

Половину круга двора занимает фасад дома. Напротив—въезд; остальные части круга засажены кустами сирени, а самая линия круга и клумбы, обра-млены гирляндами декоративной зелени.

Въезд очень типичен и составляет с фаса-дом одно неразрывное целое. Он в том же роде, как и въезд в «Сокирецы», но лишнее башню, закрывающую всю композицию в описан-ном уже Полтавском имении Галагана¹⁾.

Пилоны, украшенные тонкими колоннами, и два флигеля по бокам их, красивой архитектуры. Осо-бенно хороши эти домики. Первый этаж их выше второго и арки, украшающие среднюю часть их фа-садов, очень характерны.

Крыша перекрывает квадратная постройка на четыре ската, но не доходя прямо до карниза, а с отступом, и поставлена на небольшой аттик. В этом есть как будто отличительный признак архи-тектуры раннего классицизма.

Если смотреть с балкона дома, открывается чу-десный вид на аллею, на зеленую лужайку и на хаты крестьян вдали.

Фасад со стороны сада еще проще. Ничего соеди-няющих полукруглых частей, нет флигелей. Здесь только гладкая стена и такой же портик, как со стороны подъезда; колонны его также уныло зе-леные.

Перед фа-садом огром-ные разветви-стые дубы, сквозь зелень которых бы-вают стены и дворянских служб—нико-торая из них очень интерес-на по архитек-туре. Даже ко-ровники не ли-шены приятно-сти в провор-циях и в об-работке (полу-круглая окна). Зато клумбы шифтов и укра-шений газона довольно про-сты.

Но, конечно, самым инте-ресным по ар-хитектуре со-оружением в Столь-ное является оранжерея. Среди обычных деревен-ных, остекленных корпусов поднимается чудесный храм! Ионический четырехколонный портик подни-мает фронтоны. Куб здания перекрыт куполом, покоящимся на невысоком барабане. Купол плоский, но очень стройный и украшен еще вышкой с ябло-ком. Вся линия здания очень изящна, пропорции удивительно благородны и мало только удивляют тому, что это были за люди! изысканнейшего вкуса, которые строили себе такие храмоподобные павильоны. Любимы к шифтам существовать и теперь. Как видно на снимке, состав оранжерей Стольного и

¹⁾ См. «Ск. и Ус.» № 37, 1915 г.



Стольное. Императорские портреты в гостиной.

сейчас богаты! Прекрасные померанцевые деревья, пальмы всяких сортов, но... разить построили бы теперь такое здание для растений! Одна из лучших — оранжерея (новая) при доме А. А. Половцева на Каменистом острове в Петрограде — и та во многом уступит этой постройке.

Оранжерея в Стольном больше, красивее „Очковской“, и, пожалуй, превосходить стильностью, строгостью и выдержанностью оранжерею в „Графском“ юж. гр. Гендрикова; она является примечательной из лучших построек оранжерей во всей усадьбе России. Правда, архитектура Очковской оранжереи больше выражает предназначение этого здания: в Стольном это — просто домик, но все-таки как архитектурный chef d'oeuvre едва ли Стольнинская оранжерея имеет себе равную.

Упомянем еще об усадьбе церкви в Стольном, проектированной, если доверить материалам, изданным обществом архитекторов-художников, „Историческая выставка архитектуры“ (статья Рудникова) — там же Ж. Гваренги. Церковь — с двумя колокольнями, разставленными на большом друг от друга расстоянии, и с колоннадой.

Войдем в дом. Вестибюль, ряд передних. Много образов милой, уютной старины. Диваны, оружие: все как полагается по традиции. Комнаты первого этажа довольно высоки, прохлада и полумрак так особенно приятны летом, в зной, чувствуется здесь.

Наверху ряд комнат, наполненных „старинкой“. Многие — расписаны и, конечно, одновременно с постройкой дома, т. е. еще в конце XVIII в. Къ социальным, лишь биллиардный зал сохранил эту роспись целиком; в столовой орнамент из восьмиугольников над карнизом написан несомненно позже.

Зал, где стоит ныне биллиард (едва ли это биллиард прежде) по росписи стін, пожалуй, самая красивая комната. Сюжет фресок великолепен. Над дверями в овалы ануры, в простенках между окнами перевязанными лентами всякие атрибуты. Вокруг овалов — гирлянды из цветов. Все свободное пространство между печью и дверями расписано под мрамор.

Печь прекрасна, хотя проста. Биллиард, гладкий, наверху гирлянда. Стиль почти Louis XVI.

Особенно великолепен карниз, или втрое обрамление, плафона над крошечным покоем.

Частями здесь написаны гирлянды, частями атрибуты военные — мечи, бомбы, знамена и щиты.

Мебель в зал стила Louis XVI (но едва ли подлинная?). На тумбах несколько ваз и статуй. Не плохи два хрустальные люстры.

Особенно интересны портреты. Из них оти- тим работы Боровиковского (?) портрет гр. Кушелевой-Безбородко (рожд. А. А. Шириевой) и двух ее дочерей и портрет графа. Люб. Ал. Кушелевой-Безбородко (по мужу гр. Мусиной-Пушкиной). Не- которые из простых Павловских рам, другие в зашпильных рококо Николаевского времени.

Интересны еще в этой комнате ломберные столики.

В столовой — отличная печь, на ней жирандоли и замечательная панно видов Гатчинского дворца. Это не гобелены и не росписи клееными красками по бумаге (?), но род живописи фресковой, скорее работа гуашью.

В комнате люстра поздняя, но курьезная (портить ее очень поднявшая снизу ужасная керосиновая лампа). Мебель не представляет интереса.

В гостиной люстра — лучшая в доме, несомненно Екатерининского времени, с чудесным фонтанчиком и подвесками. Здесь портреты государей: Александра Павловича, Павла I и Марии Феодоровны (типа Рослянь), Вел. Князей Николая Павловича и Михаила Павловича в молодости, Екатерины II, Елизаветы Алексеевны. Большею частью это копии портретов, находящихся в Петроградских дворцах.

Отметим еще портреты основателя усадьбы свя- тых. А. А. Безбородко, кисти прекрасного мастера (Ленинград). Губы, глаза, кисть руки, живопись высшего качества, ленты орденной — указывают на мастера первоклассного, но особенно в глазах и губах есть много характерного для Ленинского.

Стольное не принадлежит к разряду усадеб, коих художественность фасадов заставит удивиться. Но по благородству типа, усадьба эта может быть причислена к лучшим, а если мы вспомним историческое значение усадьбы, то значение ее еще увеличится. Правда по внутреннему убранству она далеко не сравнится с таким подбором вещей изысканного вкуса, как в Михайловке гр. Кнжата, но зато здесь есть вещи, так сказать, родившиеся в Стольном, в момент его возникновения (ра- боты крепостных?), или привезенная сюда владель- цами очень давно.

Георгий Лукомский.

Переписано из: М. Бель-
 зинский воспринимает
 переписку портретов и
 группу особые воспринимает.
 Январь 20 марта 1913 года.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ. ШАХМАТЫ ВЪ ДАВНО ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ.

Въ 1811 году петербургскіе коллекционеры — а они и тогда были — возмущались. На стрѣжкѣ, неграмотнѣйшихъ стоащихъ единственной въ то время петербургской газеты появилось объявление слѣдующаго содержания:

„Истинные любители художества и о продажѣ необыкновенно-редкой шахматной доски, сдѣланной изъ разноцвѣтныхъ антирей съ 40 антирными лѣнками. Въ каждой изъ четырехугольныхъ ячеекъ выдѣлены искуснѣйшимъ рукою разные виды, а поверхность оныхъ вышпорована, о чемъ съспроситъ на Невскомъ проспектѣ, противъ дома въ ворота, на правой рукѣ, у живущаго во флигелѣ въ 3-мъ этажѣ“.

Домъ Головинна достался послѣднему по наследству отъ И. И. Шувалова, единственной сестры котораго былъ замужемъ за Головиннымъ. Этотъ домъ, въ два этажа, на переулкѣ, помѣщался на титулѣ Невскаго проспекта и Екатерининской улицы — въ то время известной подъ названіемъ „Шуваловскихъ переулковъ“, или „Малая Саломѣя улица“ — въ настоящее время домъ перестроенъ (домъ Ушакова), но фундаментъ и, можетъ быть, стѣны первого этажа по-прежнему иррѣсены иштратны Елизаветы Петровны.

Что было владѣльцемъ продававшейся антирей шахматной доски, сохранилась ли эта доска до нашихъ временъ или крадется гдѣ нибудь въ музеѣ Западной Европы — мы не знаемъ, и, судя по сохранившимся описаніямъ, можетъ только указать, что и въ 1811 г. эта шахматная доска представляла изъ себя большую рѣдкость, — такая доска изготовлялась въ XVII столѣтіи...

Хотѣ въ Петербургѣ и любилъ повторять опредѣленіе шахматной игры, данное однимъ поэтомъ: „Ce jeu brillant est l'ami du genre“ — но шахматисты петербургскіе указывали по модѣ временами въ эту игру играли чуть-ли не всѣ, равно красавицы, молодые люди и почтенные старые мужья... Вспомните „Евгенія Онегина“, Ленскій и Ольга,

Узнавши отъ всѣхъ за-
дѣло,
Они жаль шахматной до-
ской,
На сейчѣ обомлѣли, по-
рой
Сидѣтъ, задумавшись гау-
боно,
И Ленскій пышно давалъ
Береть въ рѣшеніи
своемъ...

Шахматныя доски за-
былились, и о нихъ изда-
вали только записки лю-
бители. Но проходило нѣ-
сколько лѣтъ, и „шахмат-
ная игра, почти оставлен-
ная и забытая, съ нѣко-
торого времени получаетъ
у насъ новую важность.
Особенно умножается
ежедневно. И, дѣйстви-

тельно, тотъ только можетъ не любить шахматы, кто ихъ не знаетъ“.

Къ двадцатымъ годамъ XIX вѣка число любителей шахматной игры въ Петербургѣ увеличилось настолько, что „иногда общее число любителей шахматной игры, принявъ во вниманіе, что на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ есть книги о шахматѣхъ, а на русскомъ нѣтъ никакихъ сочиненій о сей игрѣ, предположили издать съ нѣкоторыми перемѣнами и прибавленіями одно изъ лучшихъ сочиненій о сей игрѣ, названное на французскомъ языкѣ“.

А черезъ три года пожелъ выходя перевода известнаго коллеса Кола (переводъ былъ сдѣланъ Бутричинымъ) известнаго русскаго шахматнаго игрока Александръ Петровъ выступилъ въ свѣтъ „Шахматная игра, привнесшая въ систематическій порядокъ, съ просвѣтленіемъ втору Фидлера и призыванію на опытъ“.

Въ предисловіи къ своей книгѣ А. Петровъ говорилъ: „дѣла, что игра сія у насъ не въ большомъ еще употребленіи, а ограничена издачею книги сей только тремя стали изем-
пированъ“ — во, несмотря на это замечаніе, первый русскій журналъ шахматистовъ, иррѣсанный, какъ она сама говорила, съ по-
дѣтъ (объ этомъ рѣшѣ-
бѣ неже, точнѣе доба-
вить: „но если любители
шахматной игры, коимъ
послѣднюю книгу сію, у-
достоитъ такую благо-
словеніемъ приносить, въ
обязанности востана сдѣ-
лать новое изданіе“.

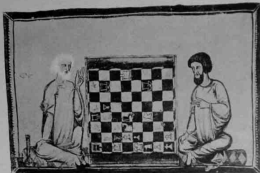
Новаго, втораго из-
данія этой книги не появи-
лось.

Пока первые русскіе шахматисты тратили время на составленіе руко-
водства шахматной игры
и дошли до изданія нѣко-
торыхъ руководствъ — пред-
принимые конструкторы сумѣли
найти вытуду и полъ этой
прожигавшей въ бо-
льшомъ свѣтѣ страсти въ
шахматѣхъ.

Нѣтъ прѣдполо-
женіи „Столѣтій“ публи-
ковать въ 1822 году, что онъ
„желаетъ дать въ шах-
матной игрѣ уроки, кото-
рыя служатъ для военныя
потѣнныя занятія, для
увѣнчѣ прѣднѣнныя пре-
прѣднѣнныя, иррѣсанный,
а иррѣсанный мѣлодо обра-
зованнаго человѣка из-
ощереть размѣнѣнныя и
умъ. Желѣство онъ
имѣетъ у Коушкова мѣ-
ста, въ Екатерининскому
каналу, въ домѣ аптекаря
Груда, подл. № 101, у го-
сподина Голдшмита“.

Незнакомѣтъ изъ
Столѣтій въ своемъ
изданіи повторить извест-
ный афоризмъ Фран-
скаго. Французъ утвер-
ждалъ, что „шахматная
игра имѣетъ большое влі-
аніе на военныя прѣднѣнныя
дѣла, а потому и со-
вѣтуетъ всѣмъ молодымъ
людямъ учиться имѣть“.

Но, видно, профессоръ



Рисунки изъ перваго рукописнаго трактата о шахматной игрѣ.—
Воспроизведеніе этой рукописи хранится въ Библиотекѣ Императорскаго Эрмитажа.



Львів. Церква Успенія (Вазалська) Ставропигіального братства. Часовня трьох святих (XVI—XVII ст.).

ИЗЪ ЗА АКТРИСЫ.

(Страница прошлого).

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1815 году на петербургской сценѣ состоялся первый выходъ «заключенной воспитанницы Императорскаго театральнаго училища Анны Истоминой». Дебютарка вышла изъ зала Галлѣ въ балетъ своего театральнаго учителя, знаменитаго Дидло, «Дикъ и Галлѣ»¹⁾.

Балетъ въ чертовщине императора Александра Благословеннаго былъ данъ въ Петербургѣ до колѣсикою степею съ совершенства и охотно посѣщаемъ обществомъ, особенно молодежью, которая составляла касту восторженныхъ театраловъ, охотниковъ до искусства, а болѣе до исчагого рода театральнаго приключенія²⁾.

Еще задано до дебюта воспитанницы, ходивъ въ обществахъ разговоры о талантѣ будущей «ташарки», объ ея успѣхахъ на пошовой сценѣ, а также объ ея необыкновенной красотѣ. Поэтому въ день дебюта, воспитанница Истоминой театръ былъ полонъ. Зрѣлы были и дѣти, съживавшіе разе любовныя, и записные театралы, которыхъ тогда уже было не мало, и «театралы-науку», собиравшіеся для совѣстной оцѣнки достоинствъ дебютантки, какъ женщины.

Дебютъ былъ блистательный. Истомина очаровала публику съ перваго своего выхода и побѣдила всѣхъ— того талантомъ, чего своею красотой. Румянецъ ея былъ конья!

Съ того дня Истомина все чаще и чаще появлялась на сценѣ. Молодость, артистскіе таланты не было еще и соединились, образовали русскую красота и необычайный талантъ—создавали жрица Терпсихоры головокружительный успѣхъ. Въ самое короткое время она завоевала ампулу, первой танцовщицы танцовщица, которая и занимала двадцать лѣтъ.

Какъ известно—высшая степень искусства въ балетѣ—есть танцовка, которая въ исполненіи представляетъ столько же трудности, какъ и самая высокая драматическая роль. Изобразить строгость и душевныя движенія одиной жестики и мимикой лица—дѣло, совмѣстно требующъ величайшаго дарованія, и танцовщица, обладающая такого рода дарованіемъ, имъ зѣлымъ не перестаетъ.

Истомина обладала такимъ дарованіемъ въ изысканіи и особенно восхитила зрителей въ ролихъ многолѣтнихъ вѣнчанъ. Будучи грациозной и необыкновенно легкой, она отличалась отъ своихъ конкурентовъ необыкновенно строгими въ движеніяхъ и въ перуатахъ, восторженныхъ и удивительныхъ Пушкинскихъ.

Талантъ Истоминой былъ, основанъ на темпераментѣ, почему и въ свои роли она исполняла съ необыкновенною страстностью, и на прекрасной воле, которая помогала ей преодолевать всѣ трудности въ искусствѣ танца.

Въ цѣлѣхъ время своей жизни и красоты, Истоминѣ, про Истому М. Н. Лопатина, который зналъ ее лично, она могла на себѣ опечисать обязательной русской красоты. Незыскаемой роста, во хорошо сложенная, бривиста, съ черными большими глазами, она и въ жизни и на сценѣ казалась очаровательной женщиной³⁾.

За кулисами, за проежежамъ, на баллахъ и вечерахъ Истомина всегда была окружена пышнымъ роемъ многочисленныхъ поклонниковъ, болѣею костюмъ въ часахъ блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ. Увлеченная натура и въ жизни—Истомина достойно служила предметомъ раздора средъ поклонниковъ, изъ которыхъ многие даже дрались изъ за нее на дуэляхъ, тогда чрезвычайно модныхъ.

Не чуждо былъ страстной любовью къ Истому и Пушкинъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Л. С. Пушкину поэтъ писалъ: «Паша мѣ с Дидло, объ червешкѣ Истомуной, за которую я когда то волювался, люблю Кавказскую вѣнчанку»⁴⁾.

Вдобавъ имъ Истомуной въ исторіи правды петербургскаго общества Александровской эпохи является очень любовною страннику, тѣмъ болѣе, что имъ этой танцовщицы связно съ доверіемъ для русскаго сердца являлся Грибова, который по летомою молодости являлся принцемъ серьезнаго поведенія, кончающагося смертью молодого кавалера В. В. Шереметьева.

Благодаря юности и за восторженіи время точнымъ ланосъ—является возможность париса въ полной карьеру этого

трагическаго событія, найденнаго также глубокомъ значеніи въ жизни великаго творца бессмертной комедіи.

Зимой 1817 года А. С. Грибова и графъ А. П. Завадовскій, сынъ князя министра народнаго просвѣщенія П. В. Завадовскаго, жили въ Петербургѣ вмѣстѣ на одной квартирѣ. Графъ Завадовскій часто посѣщалъ балетъ и удивлялся за юную Антонию Иллиновну Истому, считавшуюся обладательницей сердца которой былъ молодой кавалеръ В. В. Шереметьевъ.

Грибова хорошо былъ знакомъ съ Истомуной, часто встрѣчалъ ее на вечерахъ князя А. А. Шаховскаго, гдѣ всегда собиравались театралы и всѣ хорошіе актеры балетъ и драмы, и гдѣ, по собственному выраженію Грибова, можно было гулять съилою рускою по безвѣстной путѣ мѣстѣ грудей⁵⁾. Кроме того Грибова бывалъ у нихъ въ домѣ, такъ какъ былъ друженъ и съ ея обожателемъ В. В. Шереметьевымъ, любилъ ее за талантъ, но въ то время не былъ ея, серьезною поклонникомъ.

Завадовскій, который всѣмъ душой любилъ Грибова, въ то время спускалъ своего князя Григорія:

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣхомъ морщитъ,
Вѣкъ съ англичанами, въ англичанку складываетъ!»

Бисюмъ влюбленной въ Истому, которая въ свою очередь

была къ нему неравнодушна, упростила Грибова пригластисъ артистку съ себѣ на чай. Грибова, въ ту минуту чрезвычайно легкомысленный, проважалъ все время за аудиторіей въ общества гвардейскихъ офицеровъ, асканивалъ всѣмъ приключеніемъ, охотно согласился исполнить просьбу друга. Вечеромъ же онъ побѣжалъ въ театръ, побывалъ за аудиторіей, въ уборной Истомуной и пригластисъ ее къ себѣ, послѣ съѣздила пить чай. Истомина съ радостью согласилась, но, опасаясь побудить подозрѣніе ревниваго Шереметьева, предложила Грибова подождать съ 5 болонной аракъ Гостиницы двора, къ которой обѣщали показывать въ извѣстной каретѣ. Все было исполнено согласно съ желаніемъ, изъ кареты она пересѣла въ санъ Грибова и побѣжала съ нимъ на квартиру А. П. Завадовскаго, гдѣ жилъ и Грибова. Шереметьевъ, однако, дорожа сѣбалъ за ними; онъ выѣхалъ, какъ Истомина пересѣла въ санъ Грибова въ санъ Грибова, какъ онъ побѣжалъ до квартиры графа Завадовскаго—и этого было достаточно.

Принесли Шереметьевъ удивленій, штабъ-ротмистръ А. И. Якубовичъ, востановивъ асканбистъ, тогда знаменитый театралъ и большой забияка, побѣдилъ Шереметьева немедленно вызвать Грибова на дуэль, обѣщая въ свою очередь стрѣлять съ Завадовскимъ.

Шереметьевъ вызвалъ Грибова. Послѣдній не отказываясь отъ дуэли, предложилъ только помѣняться мѣстами, т. е. чтобы самъ Грибова, стрѣлялъ съ Якубовичемъ, а Завадовскому—съ Шереметьевымъ.

12 ноября въ третью часу пополудни, они стрѣлялись на Волковомъ полѣ, по условію въ 18 шаговъ, съ барьеромъ въ 6 шаговъ. Секунданты были докторъ Юнкъ и извѣстный кутила, гусярь Киверинъ, незабываемы Пушкинскіе. Помните ли романъ «Евгений Овчинкинъ»?

Къ Таюмъ повалился, онъ убитъ, что такъ уже жаль его Киверинъ.

Первая очередь была предоставлена Завадовскому въ Шереметьеву. Шереметьевъ выстрѣлилъ, не давъ своему противнику дѣлать до барьера. Пуля опозвала разъ воронка въ широкую Завадовскаго.

— Ah! Et un voyou! à ma vie... à la vie!—крикнулъ графъ Завадовскій, былъ замѣчательнымъ стрѣльцомъ и всѣмъ боялся, что онъ убьетъ Шереметьева. Секунданты стали уговаривать покончить жизнь противника. Но Шереметьевъ, любивъ всѣ условія приложенія дуэли, крикнулъ, что Завадовскій долженъ его убить, если самъ рано или поздно, съ хонетъ быть имъ убитъ. Это возмутило Завадовскаго до глубины души. Онъ аривалъ измороженный вѣдъ, словомъ поднялъ руку съ pistolomъ и не прошло секундъ, какъ раздался выстрѣлъ и Шереметьевъ всѣмъ корпусомъ упалъ на землю.

Раненый изъ груди Шереметьевъ былъ отвезенъ къ себѣ на квартиру, гдѣ не приходя изъ сознания, въ шестомъ часу утра 13 ноября скончался изъ сильныхъ мученій.

Якубовичъ, названный предъ Грибова, предложилъ ему отсрочку изъ дуэли до бѣлыхъ багровитнаго времени, на что Грибова далъ свое согласие.



Андрей Истоминъ.

¹⁾ Въ балетѣ «Кавказскій вѣнчанка» Истомина исполнила роль червешки.

доктор Заводовский и Якубович утверждали, что при аресте свидетеля, кроме Якубовича не было, а выходя из кабинета Шереметьевым знал барон Александр Строй и государственной коллегии иностранных дел губернской секретари Александр Грибова.

О принципах, побуждавших Шереметьева к выводу, Якубович на допросе объяснял, что хотя он и врагину эту и знает, но никому не откроет, потому что дасть в том случае слово другу своему, Шереметьеву. Граф же Заводовский выразил, «предположение», что повodom к выводу послужило приглашение им к себе на чай танцовщицей императорского балета Истоминой, которая прежде жила у Шереметьева, и которая в самом деле шла у него чай.

Истомина была вызвана из счастливую комиссию и показала, что жила с Шереметьевым на одной квартире, что 3 ноября она уехала от него, поссорившись с ним за грубое с ней обращение. 5 ноября губернской секретари А. С. Грибова, прибегавшего к ней, после которого она решила не посещать его танцовщицей Азаровой, у которой она жила два дня. После она помирилась с Шереметьевым, и в среду вечером возвратилась к нему.

По какому-то приговору и запискам, сделанным в том же направлении, в отношении Шереметьева, и виновника немалое легкое наказание, после которого Шереметьев арестован Заводовским был переведен в Нижегородский драгунский полк, на Кавказ, а Грибова же не подвергнулся даже выводу.

Якубович, прибыв на Кавказ, начал повсюду поэта и общее впечатление об обществе сложилось не в пользу Грибова.

А. А. Бестужев, известный писатель — декабрист, впоследствии друг Грибова, долго и настойчиво избегал знакомства с ним, потому что, «Я был преубежден против Александра Сергеевича — писать он и в своих воспоминаниях — рассказывал об известной дуэли, в которой он был сексуальным, и при передаче была его противница в черном и т.д.»

Об этом важном моменте в жизни Грибова Пушкин совершенно справедливо говорит в «Путешествии в Эрзерум»: «Жизнь Грибова была затенена историческими событиями: счастливое падение страсти и мучительное обстоятельство. Он пользовался необходимостью растеряться однажды навсегда со своим мотовилом и круто повернуть свою жизнь».

Не может быть никакого сомнения, что толчком к этому крутому повороту послужила дуэль с трагической развязкой. Несомненно, что в этот трагический момент Грибова усиленно внутренний призыв к пересмотру своего поведения, своей жизни. Мы знаем, как долго не мог Грибова примириться с собственным содеянным, не давая ей ему покоя. Он писал к Витгену, из Москвы, что из него вышла ужасная тоска, что он безразлично ищет, переложить себе смертельно раненого Шереметьева, что, наконец, пребывая в Петербурге сдалась для него невыносимая.



КАКЪ МЫ ВЕСЕЛИЛИСЬ.

(Из воспоминаний).

Ах! К чему воспоминания.

Что пропало — не вернуть.

Из старинного романа.

Какъ, к чему воспоминания?

Тургенев сказал: «то в молодости надежды, то в старости — воспоминания». И он был неправ. Воспоминания — вещь только они приятны — всегда хороши. Но в только о них и говорить, ибо воскрещают неприятные воспоминания — это не равно, вредно и приятно. Хоронят же воспоминания — почти реальное нечто другого. Отныне уверю, что даже неприятное прозвучало яркостью своих красок. Что вращало — то будет мило», говорит поэт. Вран — почти гениальный афоризм.

— Какъ, к чему воспоминания? — в этом городе? — вступилась бы раз — к чему?

— Ну, что за нытье? Короче майская ночь...
150, конечно, не так воспоминания и желаю предложить выскателю читателю.

Знакомый с Грибодовым Мазарини, тогда поверенный России в делах в Перси, предложил Грибодову занять место секретаря посольства. Грибодов принял это предложение и 30 августа 1818 года уехал из створной столицы.

Прибыв в Тифлис, Грибодов встретился с Якубовичем, и посетил кончить старые, отсроченные счета. Н. М. Муравьев видный военный деятель в Тифлис, потом заместитель Кавказа, был посвящен в тайны дуэли, был сексуальным Якубовича и впоследствии подробно описал эту дуэль.

Первым встретился Якубович. Он мнил в ногу, потому что не хотел убить Грибодова, но рука показала ему в левую часть руки. Грибодов приводил оверзвучную руку свою, показав ее сексуальным и напел пистолет на Якубовича. Рука протрела у Якубовича под самым затылком, не причинив даже царапины, и ударила в локоть.

«Я думаю, говорит Муравьев, что еще никогда не было подобного события: совершенное излечение по всей четверти изъяс, и одного неприятного слова между Якубовичем и Грибодовым, вопреки того, во самой той минуты, как стали к барьеру, они разошлись между собою и после того, как сексуальности их побуждали за лаварем, Грибодов лежал на руках у Якубовича».

Так закончилась вся эта печальная история из за актрисы Истоминой.

Интересно замечать также, что вследствие сказанного раннее дуэли у Грибодова свело мизинец. Это увы через одиннадцать лет сыграло свою роль. Оно помогло узнать труп Грибодова среди груд трупов, иррегулярных тегераскую черему.

Что же касается до главной виновницы истории — танцорки Истоминой? — то она еще долго после того украшала сцену своим талантом. Получая по 10.000 рублей в год, мила сидит у публики, Истомина прославилась из балет двадцать лет и в 1836 г. была уволена из отставку с прекрасной пенсией.

Истому в армянских годах так описывает Гоавачева-Панаска: «Я видела Истому уже тяжелою, распухшую, пожелтевшую женщину. Желая казаться молодой, она всегда была выкрашена и изурнована. Волосы у нее были черны, как смоль; говорила, что она из красавиц. Газа у Истоминой была больше, черные и блестящие».

По выезде из отставку она вышла замуж за второстепенного актера драматической труппы, Павла Семеновича Жукова, «Горе от ума», роль Скалозуба, из которой прекрасно танцовал мауруку на ахей армянской даш.

Скончалась Истомина во время холеры 26 июня 1848 г., на пятидесятом году жизни.

Полуразвалившийся надгробный памятник ее на большевистском кладбище сохранился еще до наших дней.

А. М. Бряжский.

ИЗЪ КОЛЛЕКЦИИ КНЯГ. М. К. ГОЛИЦИНОЙ.



Танцевальный залъ въ домѣ бывшемъ графа Г. Г. Кушелева, у Симеоновскаго моста въ Петроградѣ.

Съ яхлосенъ худ. Л. О. Премизи;
залъ въ Петербургѣ въ 30—70 годахъ.

НАШИ ЛЮБИМЦЫ.



Е. В. Маркова, супруга министра по делам Финляндии со своими любимцами: черный пудель „Джева“, белый пудель „Нюкя“ и бульдог „Буль“.



Французский буль „Зузу“
А. Л. Смит-тень.



Котъ „Шалунжъ“
А. А. Катеринича.



Японская собачка „Кикю-Чай“. Найдена во время русско-японской войны въ покинутомъ лагерь. Теперь живетъ въ им. „Охотно“, приназд. Сулисню.



„Шнигъ“ прожидавший лейтен. Г. А. фонъ-Петсъ, погибшему на крейсере „Палада“ 28 сентября 1914 г. „Шнигъ“ случайно остался по божьему на берегу и такимъ образомъ избежалъ гибели.



Французские бульдоги
ген. Канженича.

КОЛЛЕКЦИЯ А. А. ЖУРАВЛЕВА.

Фамилия Журавлевых — одна из стариннейших фамилий дворянской Москвы. В продолжение нескольких веков она встречалась почти во всевозможных дворянских и общественно-государственных учреждениях Москвы.

Журавлевы всегда отличались склонностью к собирательству предметов искусства прошлого. В настоящее время интересное собрание таких предметов находится у одного из потомков рода Журавлевых, А. А. Журавлева из Петрограда.

осматриваешь собрание картин, мебели, керамики, расписных, бронзы и других предметов А. А. Журавлева, начинаешь чувствовать прирость и коллекционирства, не преследующего никаких исторических или научных целей, а заключающегося лишь отражением личного вкуса, личного увлечения и пристрастий самого коллекционера.

Все собрание А. А. Журавлевым размещено в жилых комнатах его большой квартиры на Васильевском остр.



Гостиная.

Отличный и характерный пейзаж Брегея Барбатого, „Вид Венеции“ Каналетто, работа принадлежавшая к одним из наиболее удачных архитектурных пейзажей этого художника, „Автопортрет Падуанской и Спаситель“ кисти Мурилло, этого рыцаря в русских собраниях художника, вторая работа этого же художника — „Св. Фрэнсис Ассизский“, „Амур и Фортуня“ — чудесное произведение азиатской живописи Валя Лео. В гостиной находится несколько отличной сохранности флорентинских мозаик Стефано, семнадцатого века. Большим украшением гостиной являются итальянские предметы мебели Буффа не только благодаря красоте и изяществу, присущих работам этого мастера, но и редкостью сохранности и характерности.

В этом собрании насчитывается масса первоклассных, большой ценности, художественных произведений, но нет строгой системы. Всё эти прекрасные памятники прошлого собралось не для того, чтобы создать картину истории того или иного искусства, того или иного мастера, но собрало все, что представляло историческо-художественную ценность, что было само по себе красиво, радовало глаз, привлекало внимание... Создалась простая частная квартира, без всякой сухости домашний музейный обстановкой этих собирателей, создается малый антикварный уют в рамках предметов подлинного большого искусства. Когда

Наиболее интересна столовая. Замечательно красив здесь спущенный шкаф, фламандской работы XVII века, эпохи начала Ренессанса. Покрывает большого обитого стола красная и безукоризненной сохранности кресла флорентинской работы эпохи Медичи, они обиты современной тафетой, мягкой, приятной от времени прелестной патиной. В углу причудливый антикварный шкаф выдвигается красной диван, весь покрытый позолотой, принадлежавший одному из дожей Венеции XVI века. Очень красив и спущенный шкаф работы поземанских столяров конца XVII века. Испанская мебель в России встречается очень редко и потому

A black and white photograph of a grand, ornate interior room, likely a dining or reception hall. The room features a large, dark wooden table with a central pedestal, surrounded by upholstered chairs. A large, ornate chandelier hangs from the ceiling. The walls are decorated with numerous framed pictures and plates. A large, ornate fireplace mantel is visible on the left side of the room. The floor is covered in a checkered pattern.

Николай работы фламандских мастеров, из стилей Возрождение, начало семнадцатого века Группы: "Танец", Карьер-Безала, "Парка и Амур" Густава Дора, Вазы на камнях Висконти Императорского завода. Часы на камне французской работы восемнадцатого века, принадлежавшие (?) маркету Помпадур. Живописные произведения: "Шествие" Свейдлера из Дорт Негтс, "Проклятие" Грейза и "Царская охота" (на ширинках) И. Серковика. Среди тарелок и блюд на стенах - Пизарро, испанские мастерства, Урбано, Фавина, Кало де Монте и других выдающихся маэстро, как фаянсового, так и фарфорового производства. Среди наиболее курьезных тарелок надо отметить те, где предельно восточный Шампальи, на которых высшей степенью тонко-художественно изображены сцены из жизни охоты и водопользования с жемчужинами XIX столетия. Фарфора с портретными изображениями великого князя Владимира Александровича.

[illegible]



У А. А. Журавлева мы встречаем характерное произведение этого художника — «Самозванец и Ксения», картина отличается всеми достоинствами мастерства М. Неврева: умелой планировкой персонажей, исторической документальной истинностью, тщательным и строгим рисунком и серьезной продуманной живописью. У А. А. Журавлева находится и знаменитое полотно Макарта — «Дамы в рембрантовской палате».

В уютной гостиной — прекрасный пейзаж Брегера Баратини, «Вид Венеции» Кавалетто, «Антоний Падуанский и Спаситель» кисти Мурмыло, его же «Св. Фридрих Ассельский», «Амур и Фортуна» Вань Лоо и др. Замечательны по точности исполнения два гобелена-миниатюры. Даже самый опытный глаз, не сразу разберется в том, подлинная ли это живопись или замечательное искусство ткача. Среди предметов мебелировки обращать внимание шкафик, покрытый флорентинской мозаикой XVII века, так называемый Стинго, и масса предметов. Буфет, шкафики, комодики, столы, большое трюмо в спальне — все это безукоризненной сохранности.

Ив. Лазаревский.



Зал.

Среди картин в зал. «Великодушная Саломея» — Вань Дейка, «Самозванец и Ксения» — М. Неврева, «Дамы в рембрантовской палате» — Г. Макарта.



Столовая.

Кресла работы итальянского резчика эпохи Медичи. Диван, золотой, венецианской работы, принадлежавший доку Алонзио Моченго, шестнадцатого века. Полный силы и блеска мастерства Тенторетто, портрет этого рыцарского художника изображает самого дожа Моченго. В картине «Несение Креста» чувствуется отражение великого творчества Леонардо — она явилась его учеником Феррарино Луани. Интересна бость Лаврентия Великолепного — величественно, во большой силы таланта и мастерства ваятеля. Люстра Людовика четырнадцатого. Часы Чезелле. Очень любопытны испанский шкаф, семнадцатого века. Две серебряные вазы (пифосы) семнадцатого века, на одной тонко вычеканена Мадонна.



Петроградъ. Въ приготовительной школѣ. Дѣти помѣ.

Въ группѣ дѣтъ: В. Балашъ, А. Бибирова, Т. и Н. Вергуны, Е. и В. Грамматиковы, М. и Н. Давыдовы, В. Жирбинъ, Н. Филипповъ, Ю. Карамышевъ, Н. Куликовъ-Корсаковъ, графиня М. и Н. Свергъ, А. Тесницъ, Арт. Столяковъ, князь В. Шаховской, С. Юнгевичъ, Н. Штраубергъ, Н. и М. Пинкисоны, А. Вольковъ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Почему мы такъ любимъ распространять мрачные слухи? Почему это стало чертой сибиряковъ?

— Потому что мы прирожденные пессимисты.

— Нѣтъ, именно не прирожденные: мы этого пессимизма въ себѣ воспитываемъ и точно жареною перьями себѣ жизнь... себѣ и другимъ. Мы боимся сибиря—ужно ни надъ чѣмъ не сиваться, а только хрюкать дацо въ ушыбу—это тоже сибиризмъ.

— Я сегодня съ удовольствіемъ сибился разсматривая послѣдній воскресный номеръ „New-York American“, знаете эти изъ всѣхъ глупѣйшихъ приключеній... Двадцать мальчугановъ выдралъ за уши кондукторъ. На станціи паровозъ отцепляють, а кондукторъ спитъ, снявъ въ креслѣ, на послѣдней площадкѣ поезда. Мальчуга-

нны моментально протягиваютъ веревку отъ паровоза черезъ всѣ вагоны, привязываютъ кондуктора вмѣстѣ со стуломъ и когда паровозъ уходитъ, кондукторъ летитъ черезъ всѣ вагоны, все ускоряя движеніе, къ ужасу пассажировъ...

Глупѣе глупаго, а такъ нарисовано, что немально сибился... Въ прошломъ номерѣ эти же мальчуганы намазали спичкемъ кондуктору бороду калемъ, обсыпали крукой, пустили гусей и въ окно кушъ вставили рукавъ отъ водолажки... Кондукторъ вопилъ, а гуси стали ѣсть съ его бороды крупу...

— У американцевъ эти карикатуры грубы, лучше въ нарисовать „New-York Herald“ или у итальянцевъ въ „Corriere del Piccoli“.



„Вечеромъ въ Сестрорѣнтъ“.

Фототипсъ А. Н. Павловича.

САТЯКОВА,
 ж-свр. 406, р. 1912 г.,
 выведена из Восточ-
 ной, из сиб. от Пале-
 стина, в Санкт-
 Петербург. По 11 мая 1916 г. небыло
 обиды выиграла 1916 г.
 Выиграла в Петер-
 граде «Восточный»
 гоним.



Застава Н. Савокина.



БЪГА
ВЪ ПЕТРОГРАДЪ.

АНЗЯТЪ,
 ж. жер., р. 1906 г., вы-
 дана А. Н. Анзюль,
 из П. Е. Телескина, от
 Юрия в Лептине. По
 11 мая 1916 г. небыло
 обиды выиграла 1916 г.
 Выиграла и женою
 проиграла в Петер-
 граде, из чести г-н М. И. Ва-
 ренкова-Давыдов, мо-
 ретово-дальний, из Ч.
 К. Л. Восточной, мо-
 лодой, женою, в)
 Москва, савокиной
 женою, из Ч. К. Ва-
 ренкова, женою, в)
 из Санкт-Петербурга,
 гонимый.



DOI: 10.1002/eqe.1454